

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**РОССИЯ И БЕЛАРУСЬ:
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ
И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ**

Волгоград 2010

ББК 60.524.224

Р76

Авторский коллектив:

Беликова Е.О. (разд. III, гл. 17); *Василенко И.В.* (разд. I, гл. 3);
Елтанская Е.А. (разд. II, гл. 9); *Емельянова Е.А.* (разд. II, гл. 13);
Инишаков О.В. (разд. I, гл. 1); *Кибасова Г.П.* (разд. I, гл. 2, 5);
Корнеева М.Ю. (разд. I, гл. 7); *Косова М.В.* (разд. II, гл. 10);
Красильникова Т.И. (разд. II, гл. 11); *Кулько О.И.* (разд. II, гл. 10);
Митягина В.А. (разд. II, гл. 8); *Нестерова А.Г.* (разд. III, гл. 16);
Пальгов С.Ю. (разд. I, гл. 5); *Парамонова В.А.* (разд. I, гл. 6);
Петрова И.А. (разд. I, гл. 2); *Редькина О.Ю.* (разд. III, гл. 14);
Сгибнева О.И. (разд. III, гл. 15); *Сергеева О.В.* (разд. II, гл. 12);
Тимачев П.В. (разд. I, гл. 4); *Тихомирова Е.А.* (разд. II, гл. 10);
Фролов Д.П. (разд. I, гл. 1); *Фолиева Т.А.* (разд. III, гл. 18)

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 08-03-09301 а/Б)

В оформлении обложки использована картина «Утро» (гобелен)
автора *Н. П. Озерной*

Рецензенты

д-р социол. наук, проф. *Н.В. Дулина*;
д-р филос. наук, проф. *С.Б. Токарева*

ISBN 978-5-9669-0780-8

© Коллектив авторов, 2010
© Оформление. Издательство
Волгоградского государственного
университета, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел 1

КУЛЬТУРНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

<i>Глава 1</i>	
Эволюция культуры в координатах этноэкономики	5
<i>Глава 2</i>	
Феномен «этнической культуры»	23
<i>Глава 3</i>	
Границы «свой – чужой» в процессе межкультурных взаимодействий	30
<i>Глава 4</i>	
Интернационализация образовательного пространства России и Беларуси	42
<i>Глава 5</i>	
Белорусские переселенцы Волгоградской области: традиции и обряды	49
<i>Глава 6</i>	
Славянская символика как фактор формирования социального пространства России и Белоруссии	61
<i>Глава 7</i>	
Социально-философский анализ коммуникативных барьеров в диалоге «власть – общество»	73

Раздел 2

ДИНАМИКА И МЕХАНИЗМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

<i>Глава 8</i>	
Диалог культур в антропологическом измерении: менталитет и коммуникативное поведение как темы дискурса	79

Глава 9	
Дискурсивная среда формирования межкультурного диалога	112
Глава 10	
Документный текст в пространстве двух культур: аспекты лингвистического описания	124
Глава 11	
Механизмы межкультурного диалога в гражданском обществе ...	135
Глава 12	
Метод визуальной обоснованной теории в исследованиях культуры	141
Глава 13	
Социальная реклама как средство выражения публичности	148

Раздел 3
ИНТЕРКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ
В УСЛОВИЯХ ПОЛИКОНФЕССИОНАЛИЗМА

Глава 14	
Православный фактор в развитии межкультурного диалога Беларуси и России	156
Глава 15	
Государственно-конфессиональные отношения в многонациональном государстве: опыт и проблемы	180
Глава 16	
Религиозная ситуация в России и Беларуси: сравнительный анализ	200
Глава 17	
Проблемы классификации межкультурного взаимодействия в современном научном дискурсе	210
Глава 18	
Религиоведческие исследования повседневности: к постановке проблемы	218

Раздел 1

КУЛЬТУРНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Глава 1

ЭВОЛЮЦИЯ КУЛЬТУРЫ В КООРДИНАТАХ ЭТНОЭКОНОМИКИ

Культура – мощный социальный предохранитель, который, сгорая, превращает человека в животное, а общество – в стадо. Как писал основоположник культурологии Л. Уайт, «человек уникален: он единственный из живых видов обладает культурой. Под культурой мы понимаем внетелесный временной континуум предметов и явлений, который возникает из способности человека к символизации. Говоря более определенно и конкретно, культура состоит из орудий труда, приспособлений, утвари, одежды, обычаев, институтов, верований, обрядов, игр, языка, произведений искусства и т. д.»¹. Полиморфизм культуры, онтологически связанный с ее системной сложностью, гносеологически проявляется в часто встречающемся у теоретиков и практиков узком и фрагментарном понимании этого феномена.

В культуре выделяются объекты и субъекты. При этом субъекты культуры вырастают из субъектов природы благодаря своей совместной деятельности, общению друг с другом и взаимодействию с природой. Природа и культура выступают сторонами противоречия человеческой деятельности и образуют ее внутреннее единство противоположностей как источник движения человеческой жизни². Эта жизнь протекает в определенном природ-

ном и общественном пространстве, которые тоже взаимодействуют и создают особое пространство жизни людей, их культуры. Поэтому у Д.С. Лихачева «культура – это огромное *целостное* явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения – народом, нацией»³. Благодаря пониманию системности связи культуры и ее носителей во времени-пространстве преодолевается разрыв ее субъектной, объектной и процессуальной характеристик.

В своей целостности культура связана с всеобщими основами, сутью разных сфер жизни. Она непрерывно и необратимо длится в пространстве и времени. Она есть порождение взаимодействия общества и природы, создается человеком и человечеством. Смысл идеи «культуры» можно связывать только с эволюцией человеческой деятельности в целом, не разрывая ее структурного, функционального и генетического аспектов. Поскольку эта эволюция мыслится людьми в историческом контексте, то разные эпохи ставят разные акценты в восприятии и представлении культуры. Если во времена Вольтера и Ж.-Ж. Руссо у «восторженной» части творческой элиты преобладали идеи всеобщего просвещения и справедливого социального переустройства, то для современного «культурного ландшафта» наиболее актуальна проблема противостояния засилью «разносчиков» массовой поп-культуры. Но все это лишь грани метаморфоза и внутренней динамики культуры в ее системном смысле.

Закономерно возникает проблема передачи из поколения в поколение культуры как системы средств и способов, норм и образцов, организации и осуществления деятельности. Из результатов естествознания развивается понимание эволюционных механизмов общества как трансляции и передачи некоего «генома», в котором структурируется, функционирует и развивается культурная деятельность людей во всем ее многообразии. Воспроизводство акторов и сил, способов и сфер, артефактов и образцов всех видов материальной и духовной культуры, как порождения человеческой деятельности, осуществляется благодаря этому генетическому коду отдельного действия, который составляется из его предельных эндогенных факторов во все новых и новых ком-

бинациях⁴. Ведь «то, что образуется, транслируется и реализуется, получает название культуры»⁵.

По замечанию Л.И. Абалкина, «цивилизационные особенности устойчивы и изменяются крайне медленно. Но до настоящего времени механизм или генетический код, с помощью которого осуществляется воспроизводство данного цивилизационного типа и который включает в себя культуру, традиции, верование, семейные предания и многое другое, все еще остается загадкой»⁶. В древнем мире проявление этого «генома» происходит в транзакциях при столкновении более и менее развитых культур отдельных народов, метрополий и колоний. Экстремальные транзакции позволяют наиболее ярко выделить различия противостоящих и соседствующих, автохтонных и аллохтонных культур. Если автохтоны – исконное население, родившееся и укоренившееся в данном этносе, его пространстве, принявшее и воспроизводящее его культуру, то аллохтоны – пришедшие извне вследствие переселения в данный этнос носители другой культуры, принесшие свою культуру и внедряющие ее в новом пространстве. Внутренний и внешний обмен культурными артефактами автохтонов и аллохтонов распространяет «генетические коды» их деятельности, порождая инновации как «культурные мутации», укореняя их в новых рутинах и создавая новые продукты. Системное понимание культуры народов как частей единого человечества предполагает, прежде всего, «не указание различий, а *указание переходов и внутренней связи*, так как человечество есть целое, хотя и сложное образование»⁷.

Процесс интеграции автохтонных и аллохтонных этнокультур в хозяйственной сфере интенсифицируется межрегиональной миграцией и глобализацией, что рождает новые позитивные и негативные тенденции в развитии экономики этноса. Одновременно идет процесс переноса этнокультурной специфики в отдаленные хозяйственные системы, что приводит автохтонные сообщества к большим экономическим потерям. Хотя такая ситуация питает оппозицию культуры и цивилизации, традиции и модернизации, глобализации и регионализации, очевидно, что культура понимается и как различие народов, и как общечеловеческое единство.

Смысл идеи «генетического кода» в продуктах эволюции естественного и искусственного мира, определяющих поведение и деятельность людей, теперь особенно изменяется. Во времена Просвещения идея культуры была непосредственно связана с совершенствованием разума и нравов, что придало ей ярко выраженную проектную и объектную направленность. Культура оказалась сферой воздействия и формирования в рамках должного – нормы, к которой надо стремиться всем вопреки сложившимся в эволюции индивидуальным и групповым различиям. Это привело к доминированию интегральных правил и норм над их дифференциацией и стратификацией, но не устранило эти последние.

Однако многообразие культуры в разных пространствах, у разных народов заставляет задуматься о субъектном и процессном измерении единства ее содержания и форм. В этом направлении с конца XIX в. продвигают идеи единства и многообразия культуры народов исследования этнографов-эволюционистов Ф. Ратцеля и Л.Г. Моргана, социологов-функционалистов А.Р. Рэдклиффа-Брауна и Б.К. Малиновского, антрополога Э.Б. Тайлора и др.⁸ Противоречие между проектно-объектным пониманием общей культуры и реальными субъектно-процессными различиями региональных культур постепенно становится предметом теоретического осмысления и кладется в основу методологии, теории и практики мировых культурных процессов. Становится все более важным то, из чего складывается этот общий итог глобальной человеческой культуры.

В исследовании реальных форм культурной эволюции постоянно возникает противоречие функционального, структурного и генетического анализа. Структурное изучение специфики отдельных сообществ фокусируется на предметах и средствах, процессах и результатах их деятельности, знаниях и знаковых системах, или опыте, зафиксированном в «теле» данной культуры. Функциональный подход предполагает выявление взаимодействия разных культур в преодолении их замкнутости, восприятия средой – другими культурами. Это ведет к частичной потере самобытности, но и к ее активному сохранению. В эволюционном анализе человеческой культурой оказывается все, что создано людьми. Ведь

на продуктах их деятельности не указано, как и в каких транзакционных контурах они создавались и использовались.

При перспективном стратегическом подходе нельзя ограничиться только проектным или объектным видением, необходимо учитывать устойчивость субъектного и процессного многообразия культуры. В конечном итоге реальной «культурой» будет не только то, что заложено в начале стратегии развития какого-либо вида или сферы деятельности. Это значит, что стратегия развития не может быть осуществлена в принципе вне поддержания соответствия проектной, процессной, субъектной и объектной характеристик культуры.

Эволюционное понимание культуры как «генетического кода» деятельности может формировать некую институциональную ловушку приоритета функционального анализа. В его рамках все, что транслируется и реализуется, следует считать культурой по функции независимо от содержания самих трансляторов (продуктов, норм, моделей, агентов, сетей и т. д.). Это означает, что многообразии формальных и неформальных норм обуславливает многообразие и противоречивость культурных феноменов. В таком случае следует признать, что отсутствует единство норм для культурного явления каждого вида. Тогда возникает широкое поле субкультуры, и формы бытия маргинальных групп с функциональной точки зрения ничем уже не отличаются от классических форм творчества⁹. То, что есть, то и есть культура.

Слабость нормативного подхода сталкивается со стратегическими проектными установками, которые только и могут быть позитивной основой для выделения понятия «культуры». Содержание культуры, как связь ее объекта и направленных процессов трансляции и реализации, оказывается далеко не безразличным моментом для ее субъектов, особенно в периоды кризиса, упадка, деградации сообществ и распада систем деятельности. Вне единства функционального, структурного и эволюционного подходов остается лишь сетовать на процессы, происходящие в стране, говорить о культурном «вакууме» или призывать к возрождению «былой» культуры. Возникает иллюзия, что «здесь уже не существует народа в понимании объема нации.

Здесь каждый, если хотите, инопланетного рода. Пассионарят лишь скинхеды-наци»¹⁰...

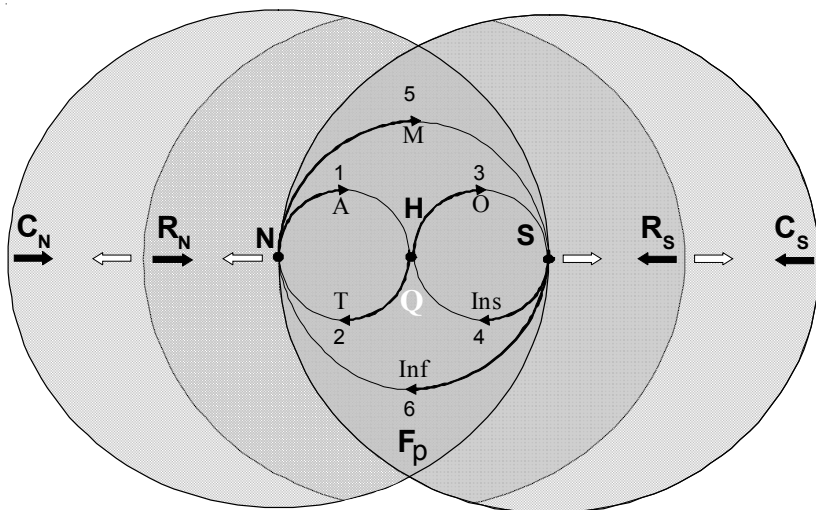
При выделении категории ценности и принятии проектной установки невозможно ограничиться только функциональным рассмотрением культуры. Возникает потребность в исследовании морфологии культуры, состава, структуры и генезиса норм и процессов формирования артефактов и образцов деятельности.

Единство культуры и природы предстает как неразрывность двух сторон бытия человечества. Природа – неорганическая и органическая среда, предшествующая обществу база и реальность, система природных свойств человека, обусловленная его геномом как вида *Homo sapiens*. Природа – все то, что нормативно естественно. *Культура – органическая система социальных свойств человека, обусловленная универсальным проявлением его генома в продуктах деятельности по созданию искусственного мира. Культура – все то, что позитивно искусственно.*

Культура, как социальное «сотворчество», как природное «единство материала», как целое, «существующее в динамике и различии», эволюционна. Поэтому производство мыслится как эволюционно незавершенный и незавершимый процесс созидания культуры человеческого бытия. В этой незавершенности – потенциал развития человечества, его бытия и его культуры. Производство – процесс длительного, протяженного и глубинного формирования культуры. В этом процессе созидания человеческого бытия происходит его обновление, отбор и накопление приемлемых достижений. Человеческая деятельность определяет генезис, циклизм и эволюцию культуры. Этот процесс всегда начинается от потребностей и интересов людей, мотивируется ими, а осуществляются в объединенном пространстве и времени взаимодействия природы и общества. В процессе производства природа становится культурой. Формирование культуры нельзя остановить, не прекращая бытие человечества, его эволюцию. «Но, чтобы понять это, нужно прежде отказаться, конечно, от предположения о некотором законченном и завершенном мире – без нас, до нас и не на нас»¹¹.

Антропоцентрическая парадигма развития предполагает, что смысл и цель коэволюции природы и общества в том, чтобы обеспечить наилучшие условия, ресурсы и факторы развития созидательных способностей каждого человека и всего человечества в целом. В этой парадигме человек становится средоточием бытия, его центром, целью развития культуры. Такой парадигме в наибольшей степени соответствует концепция эволюции хозяйства, в рамках которой и осуществляется новый подход к осмыслению факторов производства как эндогенных созидательных сил человеческого бытия и культуры.

Человек, как культурный феномен, предстает центральным связующим звеном двух сторон бытия – природы и общества (см. рисунок 1).

Взаимодействие условий, ресурсов и факторов формирования культуры хозяйства в «ядре развития» человеческого рода

В представленной модели выделены взаимодействующие сферы бытия человека (H) – природа (N) и общество (S). Показаны связи и отношения формирования факторов созидательной деятельности: 1 – человеческого (актора) – A (NH), 2 – техниче-

кого – $T(HN)$, 3 – материального – $M(NS)$, 4 – институционально – $Ins(SH)$, 5 – организационного – $O(HS)$, 6 – информационно – $Inf(SN)$. Продукт (Q) взаимодействия этих факторов может быть обобщенно выражен как производственная функция: $Q = F(A, T, M, Ins, O, Inf)$ ¹².

В соответствии с методологией данной модели все культурное экономическое пространство предстает как системное, не «наполненное», а созданное деятельностью человечества во внешних природных и социальных условиях (Cn, Cs) и с известными ресурсами (Rn, Rs), как источниками формирования и взаимодействия факторов осуществляемого в нем производства продукта (Q). Вследствие расширения в процессе производства «искусственного человеческого мира», состоящего из продуктов культуры, воплотивших в себе меру человека, экономическое пространство воссоздается в новом качестве с уже измененными условиями, доступными ресурсами и используемыми факторами.

Человек, ищущий и воплощающий истину в реальности настоящего пространства и времени, сам находится в центре понимания и созидания культуры. Поэтому в модели деятельности, соединяющей два основания культуры (природу и общество), человек – это «истина посередине, но не просто посередине, а с заимствованием преимуществ той и другой стороны: обоснованность от первой и инициативность от второй»¹³. Творчество – высшая форма и статус культуры деятельности.

В анализе любой конкретной формы, в каждом аспекте или особом фокусе исследования культуры человек неминуемо оказывается в центре, поскольку она создается человеком, для человека и не существует вне человека как феномена. Но разве это означает отрыв человека или культуры от природы? Конечно, нет. Когда «мы разделяем человека и природу... это глубоко ошибочно. Человек не противостоит природе: он сам неотделимая часть природы»¹⁴. Деятельно созданная, осознанная и описанная человечеством часть эволюции становится его историей, ведь «история есть деятельность»¹⁵, в ходе которой «человек строит свой дом – культуру»¹⁶. Его полезность и стоимость определяются

потребностями и способностями людей как необходимыми и возможными параметрами их жизнедеятельности.

Концепция «ноосферы» В.И. Вернадского наглядно показывает перспективность, необходимость и возможность гармонизации культуры и натуры усилиями человечества¹⁷. «Ноосферу» можно понимать как такую стадию «эволюции биосферы Земли, на которой в результате победы коллективного человеческого разума начнут согласованно развиваться и сам человек как личность, и объединенное человеческое общество, и целесообразно преобразованная людьми окружающая природная среда»¹⁸. Действительно, осознаваемый нами человеческий «мир, за исключением какой-то неясной части, основан на разумных основаниях. То есть мы должны признать разумное начало в мире»¹⁹. Эта мысль Д.С. Лихачева вплотную подводит к переосмыслению современной философской парадигмы, к преодолению односторонности идеализма и материализма.

На современном этапе базой научного осмысления мира должна стать философия реализма в новом, широком, его понимании. *Все сущее следует воспринять как единство материального и идеального в реальном. Реальность есть отношение идеи и материи как двух сторон целого.* Это постепенно осознается даже философами. Люди воплощают это единство в поверхностные формы чувственного уровня, трактуя как единство разумного и стихийного. Хотя идеализм, безусловно, есть тупиковый путь построения философской системы, но и понимание мира с позиции только материального начала становится явно недостаточным. Для осознания идеального начала «необходимо привлечение более широких, а главное, современных данных, чтобы сделать наглядной взаимосвязь всего существующего в мире»²⁰. Интересным примером этого может служить концепция Б.А. Раушенбаха, выдвинутая им с вполне системных рационалистических позиций в математической модели, объясняющей суть и системность свойств, образующих целостность Святой Троицы как догмата и культурного феномена²¹.

Осознающий, познающий и описывающий содержание и формы единства материального и идеального «человек – носитель

самосознания Вселенной», главный актер культуры. В этом состоит суть морально-этического компонента концепции устойчивого (направляемого) развития человечества в условиях глобализации²². Без формирования коллективного интеллекта, осознания возрастающей роли глобальных трансакций, активизации институционального, организационного и информационного факторов развития невозможно принять поставленные временем вызовы и культурно решить видимые проблемы. Формирование ноосферы как новой эволюционной формы существования хозяйственной культуры должно идти через направляемое развитие многообразия культур различных этносов и их эффективное совмещение во взаимных трансакциях. Для этого важно понять специфику этноэкономик разных народов, допустимые параметры ее изменений и созидательный потенциал, который проявляется в характере народа, его экономических акторов и агентов.

Экономика и культура связаны неразрывно и неизбежно, их эволюция происходит неопределенно и неравномерно, целенаправленно и спонтанно, в единстве детерминизма и стохастики и в полном соответствии с принципиальной нелинейностью социальной эволюции. Системную взаимосвязь экономической и культурной сторон жизни общества ярко демонстрируют работы лучших представителей экономической социологии и институциональной экономики. Вспоминаются слова Т. Веблена: «Экономический интерес проходит через всю человеческую жизнь и повсюду сопровождает процесс культурного развития. Он влияет на структуру культуры в каждой точке, так что все институты в какой-то мере можно было бы назвать экономическими институтами»²³. Ему вторит и современный экономсоциолог М. Аболафия, нещадно критикующий выхолащенные до «голой» абстракции неоклассические модели рыночной экономики: «Ведь когда люди “взаимодействуют друг с другом”, они социально укоренены в сетях важных общественных отношений и культурно укоренены в смысловой системе норм, правил и когнитивных сценариев. Трансакция – это не просто диадический обмен. Наряду с экономическими, она отражает социальные и культурные силы, которые ее формируют. Эти силы устанавливают, кто с кем может осуществ-

лять транзакцию, где и когда она происходит, каким образом происходит координация спроса и предложения, как определяется товар, а также многие другие условия транзакции, которые влияют на действия покупателей и продавцов»²⁴. Поэтому Д. Слейтер делает вывод о том, что «экономические и культурные категории принципиально неразделимы в структуре рыночных отношений и в микроэкономическом действии»²⁵. Отсюда возникает бесконечное многообразие конкретных форм проявления экономической культуры – корпоративная и производственная культура, культура труда и предпринимательства, маркетинга и управления, торгового обслуживания и гостинично-туристского сервиса и т. д.

Специфика межкультурных контактов как формы эволюционного взаимодействия этносов наглядно проявляется в особенностях их языков, в частности, в названиях (номинациях) наиболее значимых, устойчивых, базовых социально-экономических институций. Проведенный сравнительный анализ взаимного соответствия институциональных номинаций в славянских языках показал, что во всех них существуют устойчивые аналоги русскоязычного форманта *-ство* для обозначения институций: *-ство* (украинский, болгарский), *-ства*, *-ства* (белорусский), *-ство*, *-ство* (сербский), *-stvi*, *-stvi*, *-ctvo* (чешский), *-ctwo*, *-stwo* (польский). Родство способов образования номинаций социально-экономических институций свидетельствует о близости институциональных систем наших народов, объединяемых общей славянской письменностью и культурой. Наряду с этим в языках славянской группы существуют значительные различия в номинировании одних и тех же институций, что объясняется тяготением к различным аллохтонным этносам в разные периоды истории и рецепцией как институций, так и выражающих их понятий.

В отличие от славянских языков, в англосаксонской лингвокультуре «институции, получившие позитивную общественную оценку, номинируются преимущественно дериватами, образованными антропонимами с древне-английскими суффиксами *-dom*, *-hood*, *-ship*, а негативно маркируемые институции зачастую обозначаются с использованием заимствованных из латинского и французского суффиксов *-ery/ry*, *-cy*»²⁶, однако для автохтонных

институций современного англоязычного общества наиболее часто используется суффикс *-ing*. В этом проявляется присущая в целом западноевропейской и американской хозяйственным культурам четкая дифференциация и глубокая стратификация институций по их происхождению, масштабу, общественному значению, сфере реализации и т. д. Это также отражает асинхронность процессов «вызревания» институций в разных обществах и культурах, современный уровень их зрелости, гетерогенности и системной взаимосвязанности ²⁷.

Экономическая культура – исторически определенная форма установления функциональных и структурных связей людей в хозяйственной деятельности посредством техники, институции, организации, информации в соответствии с локализованными условиями и доступными природными и социальными ресурсами. Экономическая культура – это определенность пространства хозяйствующего этноса во времени со стороны условий и результатов воспроизводства его жизнедеятельности. Из этого определения вытекает понимание этноэкономики как формы проявления хозяйственной культуры.

Этноэкономика – проявление многообразия эволюционных путей в хозяйственном развитии различных ветвей человечества в соответствии с внешними условиями, доступными ресурсами и сформированными факторами производства. *Этноэкономика – историческая форма установления функциональных и структурных связей этноса с хозяйственной деятельностью посредством базовых норм и правил, обычаев и порядков, факторов и ресурсов, техники и институтов, организации и информации.* Этноэкономика – не только особый феномен культуры, но и объект экономической генетики, поскольку она представляет собой оригинальную композицию трансформационных и транзакционных факторов производства в пределах конкретного пространства и времени жизни народа, определяющих специфический генотип его хозяйства.

Стратегическое проектирование этноэкономики предполагает введение направляющего субъекта и изменяемого объекта, в жизнедеятельности которого будет проводиться норма-

тивная модернизация хозяйственной культуры с учетом сохранения достигнутого и накопленного полезного слоя. Данный процесс должен разрешать противоречие между традиционным осуществлением деятельности на нано- и микроуровнях хозяйственных организмов и нормативными образованиями, обеспечивающими их воспроизводство на мезо- и макроуровнях этнических сообществ регионов. В этом необходимо эволюционное понимание уровневой сложности глобальной системы культуры и хозяйства²⁸.

Очевидно, что накопленное в ходе социально-экономической эволюции этноса «культурное наследие обеспечивает благоприятную институциональную среду для любых созидательных действий. В этом смысле мультипликатор культурного наследия, улучшая условия для действия других социодинамических мультипликаторов, является для них своего рода катализатором, ускорителем экономического роста»²⁹. Но трансляция рутинных норм и традиционная культурная детерминация противоречат расширенному воспроизводству и интенсивному развитию хозяйственных систем. Начальные фазы этногенеза исходно «своеобразны, так как формируются в специфических ландшафтных и климатических условиях при неповторимом сочетании этнических субстратов и наличии различных традиций», в поздних фазах неминуемо «преображаемых новым этносом»³⁰. Культурный процесс, как проявление всеобщей эволюции, диалектически противоречит воспроизводству рутин и консервации традиций деятельности.

Существует распространенное мнение о консервативной сущности этноэкономики и традиционалистской ориентации этнокультуры: «Этноэкономика, будучи типичным хозяйственным укладом традиционной экономики, устойчиво сохраняет свои позиции, обнаруживая высокую жизнеспособность на индустриальной и даже постиндустриальной стадиях общественного развития»³¹. Однако к истинной эволюции способны лишь те этносы, которые могут и хотят нарушать традиции и рутины для укоренения новых ценностей и норм. Возникает необходимость преодоления представления этноэкономики как отсталого, традиционного, рутинного способа хозяйствования. Понятие культурной

эволюции противоречиво благодаря нарушению рутин и традиций и укоренению технических и институциональных новаций и модернизаций на разных этапах пути деятельного саморазвития этноса и внешних влияний³².

Выход к новому пониманию экономического пространства в рамках эволюционной концепции культуры этносов предполагает отказ от прежних концепций «культуры». Необходимо выделять видимый образ будущей культуры как цель стратегии (проекта) в границах конкретного пространства, объекта и субъекта реализации намеченных культурных параметров развития, раскрыть структуру и динамику процесса перехода в новое состояние.

Стратегическое программирование пространственного развития имеет своим пределом процессы самоопределения его обществом своей судьбы³³. Пространство, в котором разворачивается сумма процессов самоопределения, должно быть определено с позиции культурных критериев населяющих его народов как этноэкономика. При этом процесс трансляции этноэкономики как системы норм и образцов хозяйственного поведения охватывает лишь небольшой сектор реального самоопределения этноса. Более того, наличие стратегии снимает проблему стихийного самоопределения, заменяя ее реализацией избранного образа. Созидательное разрушение каналов трансляции традиционной этноэкономики требует от каждого ее члена ситуативного по форме и стратегического по существу личностного культурного самоопределения. Изменения условий, ресурсов, факторов и продуктов деятельности, создавая новое бытие, меняют сознание, возникает новая комбинация ментальности и реальности.

Культурная однородность и плотность хозяйственного пространства способствуют функционированию этноса, но они могут противоречить развитию этноэкономики, если она вырождается в консервативно традиционную форму. Стабильно воспроизводимое многообразие не является синонимом развития. Для развития нужно наличие «пустоты» и «мутации», в которых осуществляются инновационное самоопределение экономических организмов и обретение ими новых рутин. «Своеобразие и индивидуальное лицо культуры создается не путем самоограничения

и сохранения замкнутости, а путем постоянного требовательно-го познания всех богатств, накопленных другими культурами и культурами прошлого»³⁴. Наличие широкого спектра различных этнокультурных региональных пространств в общих хозяйственных контурах страны формирует специфическое изменение стратегии развития в единстве глобальных и региональных приоритетов. На смену идее «выравнивания» этноэкономик всех регионов России приходит политика поддержки конкурентного, устойчивого и безопасного многообразия в системе и границах отечественного хозяйства, как в аспекте внутренней целостности, так и внешней глобальной адекватности.

Этнокультура в хозяйственном пространстве стран и регионов на современном этапе их эволюции становится результатом модернизации традиционных основ хозяйства путем глобальной адаптации и региональной рутинизации внутренних и внешних новаций. Она повышает потенциал конкурентного, устойчивого и безопасного развития этносов и предполагает более точное определение императивов, приоритетов и ориентиров стратегического управления.

Современная конвергенция культур – относительная тенденция эволюции глобального хозяйства при взаимном проникновении и сохранении их ценностей. Рост глобализации порождает противоположные общемировые тенденции: унификацию многих элементов различных хозяйственных систем и возрастание их этнической специфики³⁵. Самобытность и многообразие культур – системное условие гомеостаза (конкурентоспособного, устойчивого и безопасного развития) хозяйства этносов в рамках глобальных императивов. Требование расширения спектра товаров и услуг – выражение универсальной культуры человека и его потребностей. Существует возможность и необходимость развития глобального спроса и предложения благодаря этнокультуре, но неизбежно сокращение спроса и предложения как при полном игнорировании этнокультур, так и при их консервации.

Хозяйственная культура способна давать ценовые и неценовые конкурентные преимущества местному производству за счет высокой специфики полезности товаров и услуг при относительно

низких издержках их производства. Снижение трансформационных издержек достигается за счет наиболее естественного и проверенного соответствия человеческого, технического и материального факторов производства – *A, T, M*. Экономия трансакционных издержек достигается за счет использования укорененных институций, адекватных форм и масштабов организации и скорости информации – *Ins, O, Inf*.

Институциональный потенциал модернизации этноэкономики определяется ресурсами устойчивого воспроизводства традиционных видов деятельности местного населения на основе сложившихся традиций, обычаев, норм и менталитета. Необходимо учитывать, что основа воспроизводства этноэкономики – местный социальный капитал, то есть совокупность признаваемых локальными этническими сообществами традиционных норм, правил, обычаев, имплицитных соглашений, неформальных ограничений и т. п. Перспективная стратегическая программа развития любого региона или макрорегиона должна полно отражать институциональные особенности, социальные проблемы и культурные императивы, приоритеты и ориентиры этноса. Поэтому при формировании экономической и инвестиционной политики учитывать этнические пределы и культурный потенциал экономики необходимо в значительно большей степени.

Хозяйственная культура не связана только с традицией и включает внутреннюю и внешнюю модернизацию³⁶. Ее понимание как традиционной экономики влечет консервацию отсталости и стагнацию регионов. Самобытная хозяйственная культура имеет большой потенциал рутинизации глобальных и региональных новаций, для чего необходимо развивать механизмы адаптации в условиях конкретной хозяйственной культуры. Следует преодолевать раздаточный характер и иждивенчество, лоббирование инвестиций, сепаратистский шантаж и компрадорские тенденции в этнически сложных и конфликтных регионах. Проекты для инвестиционного финансирования экономики регионов должны отражать их инновационную трансформацию с учетом культурных особенностей и активного вклада их этноса в развитие своего потенциала и среды жизнедеятельности.

Примечания

¹ Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 51.

² Иншаков О. В. Системность культуры в концепции Д. С. Лихачева и ее значение для этноэкономики // Модернизация и традиции – Нижнее Поволжье как перекресток культур : материалы Международ. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения акад. Д.С. Лихачева, г. Волгоград, 28–30 сент. 2006 г. СПб. ; Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. С. 6–22.

³ Лихачев Д. С. Русская культура. М. : Искусство, 2000. С. 9.

⁴ См.: Иншаков О. В. «Ядро развития» в контексте новой теории факторов производства // Экономическая наука современной России. 2003. № 1.

⁵ Формула развития : сб. ст. 1987–2005 / П. Г. Щедровицкий [и др.]. М. : Архитектура-С, 2005. С. 69.

⁶ Абалкин Л. Размышления о долгосрочной стратегии, науке и демократии // Вопросы экономики. 2006. № 12. С. 17.

⁷ Ратцель Ф. Народоведение. В 2 т. Т. 1. СПб., 1902. С. 4.

⁸ См., напр.: Рэдклифф-Браун А. Структура и функция в примитивном обществе. М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001 ; Malinowsky В. С. A Scientific Theory Of Culture and Others Essays. N. Y., 1969 ; Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999 ; Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М. : Политиздат, 1989 ; Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. М. : Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 2000 ; Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи : в 2 т. СПб. : Наука, 2001 ; Морган Л. Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса через варварство и цивилизацию. СПб., 1887.

⁹ См.: Формула развития. С. 70.

¹⁰ Шевчук Ю. Сольник : альбом стихов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Новая газета, 2009. С. 21.

¹¹ Мамардашвили М. К. Философские чтения. СПб. : Азбука-классика, 2002. С. 57.

¹² См.: Иншаков О. В. Экономическая генетика и наноэкономика. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007 ; Inshakov O. The Theory of Human Action and Economic Genetics / The Human Being in Contemporary Philosophical Conceptions. Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 159–170.

¹³ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 322.

¹⁴ Там же. С. 96.

- ¹⁵ Ратцель Ф. Указ. соч. С. 5.
- ¹⁶ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 91.
- ¹⁷ См.: Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. М. : Наука, 1991. С. 241.
- ¹⁸ См.: Яншина Ф. Т. Эволюция взглядов В.И. Вернадского на биосферу и развитие учения о ноосфере. М. : Наука, 1996. С. 210.
- ¹⁹ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 96.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ См.: Раушенбах Б. А. Праздные мысли : Очерки. Статьи. Воспоминания. М. : Аграф, 2003. С. 416 ; Его же. Пристрастие. 2-е изд. М. : Аграф, 2000. С. 117–143.
- ²² См.: Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М. : Аграф, 1998.
- ²³ Веблен Т. Почему экономика не является эволюционной наукой? // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. Т. 4, №2. С. 108.
- ²⁴ Аболафия М. Рынки как культуры: этнографический подход // Экономическая социология. 2003. Т. 4, № 2. С. 63.
- ²⁵ Слейтер Д. Забирая рынок у экономистов // Экономическая социология. 2008. Т. 9, №2. С. 30.
- ²⁶ Астафурова Т. Н., Олянич А. В. Типология и классификация институциональных номинаций в англосаксонской лингвокультуре // Homo institutus – Человек институциональный / под ред. д.э.н. О. В. Иншакова. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. С. 665.
- ²⁷ См.: Иншаков О. В., Фролов Д. П. Лингвистика институциональной экономики. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. С. 189–198.
- ²⁸ См.: Иншаков О. В. Уровневый анализ объекта, предмета и метода экономической теории // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2004. № 4.
- ²⁹ Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я. Экономическая социодинамика. М. : ИСЭПРЕСС, 2000. С. 153–154.
- ³⁰ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М. : Рольф, 2002. С. 486.
- ³¹ Овчинников В. Н. Этноэкономический уклад в теоретических координатах неформальной экономики // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2005. Т. 3, № 2. С. 17.
- ³² См.: Петрова И. А. Россия в этническом времени. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999. С. 196–200.
- ³³ См.: Формула развития. С. 71.
- ³⁴ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 403.

³⁵ См.: Модернизация экономики Юга России: проблемы, приоритеты, проекты / отв. ред. О. В. Иншаков. М. : Наука, 2008. С. 74–75.

³⁶ См.: Иншаков О. В. Этноэкономика Юга России: стратегические перспективы в координатах модернизации // Проблемы теории и практики управления. 2008. № 4.

Глава 2

ФЕНОМЕН «ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Культура любого народа закрепляет и хранит специфическое, своеобразное, целостное, характерное именно для этого общества. Она концентрирует в себе нормы, стандарты, эталоны и правила деятельности, а также систему ценностей, выработанных в реальной истории данного этнического целого. Эти специфические стандарты связаны с судьбой сообщества, его победами и поражениями, реальными условиями, в которых оно сформировалось, спецификой окружающей социальной и природной среды, этническими привычками, адаптационными процессами и теми цивилизационными условиями, в которых формировалась данная культура. Следовательно, в конкретной этнической культуре закреплены принципы обособления и самосохранения того или иного этноса.

Феноменальность «этнической культуры» обусловлена тем, что ее образы, символы, вещественные артефакты позволяют зафиксировать исторические и социологические границы этноса, этапы его развития, взаимодействие с другими народами и т. д. Цель данной работы – продемонстрировать механизм закрепления в этнической культуре основных признаков этнического обособления, особенности взаимосвязи со своей экологической нишей и влияния социальных факторов на мир культуры народа.

Главная функция этнической культуры – сохранение и передача самоидентичности сообщества, поэтому она обладает высокой устойчивостью и минимальной изменчивостью, фиксируя

Россия и Беларусь: межкультурный и межрелигиозный
Р76 диалог [Текст] : [монография] / авт. коллектив: Е. О. Беликова
[и др.] ; Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования
«Волгогр. гос. ун-т». – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. – 228 с.
ISBN 978-5-9669-0780-8

На основе междисциплинарного подхода в монографии рассматривается имплицитная множественность российской и белорусской культур в компаративной и диалоговой парадигме. Выявляются особенности воздействия ситуации межкультурализма, поликонфессиональности и транскультурности на формирование смыслов и культурных предпосылок коммуникации, специфика современного культурного диалога России и Беларуси, эксплицируются неявные социальные взаимодействия и культурные практики в трансформирующемся обществе.

Предназначена для преподавателей, аспирантов, студентов, всех, кто интересуется современной культурой, развитием коммуникационных процессов, особенностями взаимодействия культурных типов.

ББК 60.524.224

Научное издание

РОССИЯ И БЕЛАРУСЬ: МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ

Главный редактор *А.В. Шестакова*

Редактор *У.В. Наумова*

Техническое редактирование *А.В. Шубиной*

Оформление обложки *Н.Н. Захаровой*

Подписано в печать 02.12.2010 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 13,3.
Уч.-изд. л. 14,3. Тираж 125 экз. Заказ . «С» 159.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.